

Го Нуань тоже юркнул в воду, устраивая себе настоящую помывку. Наблюдая, как сметливо пёс трет лапами взъерошенную грязную шерсть, Лэй Лижэнь бесшумно приблизился и принялся помогать ему, бережно расправляя колтуны.

Го Нуань опешил: надо же, удостоиться подобной заботы от самого главного героя!

Жаль только, в здешних краях даже обычные мыльные бобы ценились на вес золота, а о настоящих моющих средствах и мечтать не приходилось.

И пока Лэй Лижэнь усердно оттирался от дорожной пыли, Го Нуань тщетно пытался привести себя в порядок. Сколько бы они ни мылили его шерстку, она упрямо сохраняла какой-то пыльный, чумазный оттенок. В конце концов пёс просто смирился со своей участью.

Закончив с собачьей шерстью, мальчик принялся за стирку. Полдненное солнце пекло вовсю, и не прошло и часа, как его нехитрые пожитки полностью просохли.

Го Нуань хорошенько отряхнулся и устроился сушиться на самом солнцепеке.

Обнаженный Лэй Лижэнь, пока сушилась его одежда, просто грелся у кромки воды.

Наблюдая за разгуливающим нагишом мальчишкой, Го Нуань невольно почувствовал неловкость: ну и зрелище, хоть глаза закрывай. В свои девять лет Лэй Лижэнь, конечно, еще оставался ребенком. Однако на континенте Цзолань, где боевые искусства практиковали с самых ранних лет, дети мужали поразительно быстро. Обычно к шестнадцати годам юноши уже полностью формировались, хотя некоторые продолжали расти и до двадцати.

Пройдет совсем немного времени, и этот мальчик окрепнет настолько, что сможет в одиночку держать в страхе целый поселок. К шестнадцати годам его рост превысит сто восемьдесят сантиметров, а со временем он вымахает почти под два метра — по нынешним меркам рост поистине богатырский. В шестнадцать лет, будучи уже статным юношей, он умудрится совершить прорыв в сферу закалки духа. Для столь юного возраста подобная скорость развития казалась чем-то запредельным и пугающим.

"Конечно, в романе имелась изрядная сюжетная дыра: каким образом главный герой, еще даже не достигнув сферы изначальной энергии, ухитрился в одиночку истребить целый поселок? Похоже, автор явно не поскупился на всемогущество своего любимчика".

Впрочем, сейчас Го Нуаню было не до писательских огрехов. Куда сильнее его заботило другое: как заставить Чжан Мяо взяться за спасение Лэй Лижэня, уговорить старого слепца разыскать своего друга-целителя и принять мальчика в ученики?

Лэй Лижэнь перевел взгляд на Го Нуаня, беззаботно развалившегося на теплом камне и подставившего солнцу белое брюшко, и неторопливо подошел ближе. Вся шерсть у пёсика

была грязно-рыжей, и лишь на животе красовалось ровное белое пятнышко — деталь довольно забавная и странная.

Заметив, что Лэй Лижэнь заслонил собой теплое солнце, Го Нуань лишь лениво раскинул лапы, даже не подумав шевельнуться.

Мальчик присел на корточки, пристально разглядывая собаку.

— Так ты, оказывается, кобель?

— Гав! Гав! — сердито твякнул Го Нуань, выражая крайнее недовольство. Каким вообще местом этот недотепа умудрился разглядеть в нем суку?

"Постойте... Ну и бесстыдник! Куда это он вылупился?!"

Го Нуань поспешно перевернулся на брюхо и оскорбленно отвернулся, так и не заметив мимолетной улыбки, скользнувшей по лицу мальчика.

Они оба уже привыкли к подобному общению. Между ними словно не существовало преград: мальчик разговаривал со своим спасителем так, словно перед ним находился понимающий человек.

"Кажется, я с самого начала выдал себя с головой, — размышлял Го Нуань. — Обычная дворняжка вряд ли сообразила бы, как спасти тонущего мальчишку. Демонических зверей на континенте Цзолань хоть пруд пруди, а вот обычных тварей с человеческим умом встретить почти невозможно".

Впрочем, к демоническим зверям на континенте Цзолань относились без особого почтения. Сильных монстров люди приручали, превращая в боевых питомцев, а слабых безжалостно пускали на убой, используя мясо как целебное снадобье для укрепления костей и мышц. Понятия «высокого» и «низкого» ранга здесь были весьма условными: для по-настоящему сильного мастера даже редчайший зверь мог оказаться не более чем изысканным деликатесом на ужин.

Повстречайся Го Нуаню кто-то другой, его актерского мастерства точно не хватило бы, чтобы притвориться глупой дворняжкой. Его бы давно уже освежали и сварили. Хотя и рядом с будущим Владыкой Девяти отголосков угроза угодить в котелок оставалась вполне реальной.

И все же, находясь под защитой этого упрямого мальчишки, Го Нуань чувствовал, что обрел нечто вроде дома. Разумеется, он не питал иллюзий. В самый критический момент, если Лэй Лижэнь сам окажется на краю гибели, защищать маленькую желтую собаку будет некому.

Мальчик и пёс молча наслаждались редкими минутами покоя, и ничто не тревожило их

уединение.

Как бы мрачно ни складывалось их прошлое, какими бы жестокими ударами ни испытывала их судьба, история уже началась. И человек, и пёс были полны решимости выкарабкаться. Выжить любой ценой — ведь сам выбор в пользу жизни требует огромного мужества.

Чжан Мяо, расположившийся поодаль, не слышал их возни. Приведя себя в порядок после купания, старый слепец выбрался на берег и уселся в ожидании, пока мальчик вернется к нему.

Стоило рубахе подсохнуть, как Лэй Лижэнь, забрав старого нищего, направился напрямик в поселок — к дверям трактира «Лайфу».

Поселок Селань был крошечным, и заезжих гостей здесь бывало негусто — куда им до суетного города Юлань. По этой причине трактир «Лайфу» ютился в двухэтажном здании: внизу шумел общий зал, а наверху располагались скромные гостевые комнаты.

Го Нуань поднял морду, разглядывая деревянную вывеску.

"Похоже, в каком мире ни окажись, в любом заштатном городишке найдется свой трактир «Лайфу». Какая поразительная неоригинальность!"

Хотя Лэй Лижэнь и вызвался опекать Чжан Мяо, на деле он сам едва держался на ногах от усталости и голода. Вся их разношерстная компания вполне могла оказаться ночью прямо на холодной мостовой. Единственное, что мальчик мог пообещать старику прямо сейчас — это раздобыть хоть какую-то еду, чтобы заглушить урчание в желудке.

Старый нищий благоразумно остался ждать в стороне от трактира — подобные заведения бродяг не жаловали. Он привычно привалился спиной к облупившейся стене в тихом углу, прикрыл глаза и задремал, готовый безропотно перебраться на другое место, едва его начнут гнать вшаей.

Видя, с каким будничным спокойствием Чжан Мяо устроился в пыли, Го Нуань немного перевел дух. Глупо было надеяться, что погруженный в свои думы Лэй Лижэнь обратит внимание на подобные бытовые мелочи.

Мальчик и пёс вошли внутрь. Стоило им переступить порог, как навстречу выскочил запыхавшийся трактирный слуга. Заметить лохматую дворнягу рядом с оборванным ребенком для него не составило труда, и парень тут же замахал руками:

— Эй, убирай собаку! Живо пошли вон отсюда, нечего честных людей смущать!

Лэй Лижэнь даже не вздрогнул. Посмотрев на слугу холодным, не по-детски серьезным

взглядом, он ровно произнес:

— Мне нужен хозяин.

Спокойная уверенность оборвыша заставила слугу осечься. Перед глазами у него тут же пронеслись сюжеты из дешевых книжонок, которые он так любил слушать на рыночной площади: о благородных молодых господах, что тайно покидали свои кланы ради испытаний, терпели крушение, а потом встречали прекрасных девиц и совершали великие подвиги. Уж слишком властным показался ему тон этого заморыша.

Перестраховавшись, слуга поспешно провел Лэй Лижэня к стойке, за которой хозяин заведения усердно щелкал костяшками счетов. Тот был настолько поглощен цифрами в толстой тетради, что даже не поднял головы — в разгар сезона дел у него накопилось невпроворот.

— Хозяин, тут к вам по делу.

Хозяин оторвал взгляд от бумаг и наткнулся глазами на детскую макушку — мальчишка едва доставал головой до края стойки. Нахмурившись, старик уже открыл было рот, чтобы отчитать непутевого работника за то, что тот водит к нему всякий сброд, но парня и след простыл.

Трактирщик недовольно хмыкнул, ожидая, пока незванный гость сам объяснит, зачем пришел.

— Работники нужны? — сухо выдавил Лэй Лижэнь.

Общаться с людьми он не умел совершенно, и эти два слова дались ему с огромным трудом.

"Парень, ну кто так нанимается? — мысленно застонал Го Нуань. — С таким угрюмым видом в моем мире ты бы и секунды на собеседовании не продержался!"

Вслух он, разумеется, не твякнул, боясь испортить и без того шаткое положение мальчишка. Если хозяин обратит внимание на грязную собаку у ног сироты, их вышвырнут в тот же миг.

Трактирщик смерил мальчишку быстрым взглядом и равнодушно отрезал:

— Свободных мест нет. Ступай.

В разгар сезона рук, конечно, не хватало, и лишний помощник ему бы не помешал. Но нанимать этого заморыша? Он ведь и тяжелого подноса в руках не удержит.

— Мне не нужны деньги, — Лэй Лижэнь сразу выложил условия, в которых не было никакой

выгоды для него самого. — Только крыша над головой и пропитание.

Трактирщик прикинул в уме: ребенок ест немного, денег не просит — сделка вроде бы выгодная. С другой стороны, если об этом прознают соседи, слава о его безграничной жадности разнесется по всему поселку.

— Пять медяков в месяц, — буркнул он, пряча глаза.

Пять монет — курам на смех, на эти жалкие гроши разве что пять паровых булочек купишь. Однако Лэй Лижэнь это мало заботило.

— Мы можем устроиться на заднем дворе или в хлеву, — спокойно продолжил он. — Со мной дедушка и пёс. Обещаю, мешать никому не будем.

Для обычного девятилетнего ребенка такие слова были в порядке вещей, но Го Нуаню от них стало невыносимо тоскливо. Ведь перед ним стоял будущий грозный Владыка, которому суждено было подчинить себе весь мир и никогда более не склонять головы перед жалкими лавочниками.

Но такова суровая реальность этого романа. В мире, где сила решает всё, заискивающий тон — признак слабости. Обладая мальчик хоть каплей былой мощи, он никогда не заговорил бы так. У сильных вежливость не в ходу, их воля непреклонна.

Трактирщик нахмурился. Двое голодных ртов да еще и шелудивый пёс — расход продуктов возрастал, и выгода начала таять на глазах. В его голове защелкали невидимые счеты.

— Мы едим немного, — негромко добавил Лэй Лижэнь, заметив его колебания. — Нам хватит и обедков со столов.

Для нищих, привыкших кормиться тем, что выбросят другие, разницы действительно не было.

У Го Нуаня защемило сердце. Живи они в его прежнем мире, в этой смиренной просьбе не было бы ничего удивительного. Но память упрямо подбрасывала спойлеры из романа «Боевое зло»: придет день, и перед Лэй Лижэнем будут накрывать столы с изысканными яствами, на которые он даже не удостоит взгляда. От этого контраста теперешняя нищета казалась еще более горькой.

Конечно, порой Го Нуань находил книжного Лэй Лижэня излишне жестоким, даже безумным, но, вспоминая законы вселенной, созданной автором Гэань Цзяном, он невольно проникался к нему пониманием. Порой человек становится чудовищем не по своей воле — его ломает и перекраивает само общество.

Беспощадная власть сильных над слабыми, роскошь и вседозволенность избранных — все эти

жестокое правила диктовал сам уклад континента Цзолань. И Го Нуань понимал, что не имеет права судить их со своей колокольни.

Просто было больно видеть, через какое унижение приходится проходить будущему грозному воину. В шесть лет Лэй Лижэнь рухнул с вершины благополучия прямо в грязь, и этот удар едва не сломал его. Сын могущественного главы клана, с рождения окруженный всеобщим почетом, в одночасье превратился в самого презираемого изгоя в собственной семье. К такому повороту судьбы невозможно подготовиться.

<http://bllate.org/book/20621/2146114>